

АМПЛИФИКАЦИЯ КАК ФАКТОР СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЯ

Ханаева З.К.

ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», Владикавказ, Россия, (362025, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина 46), e-mail: zk.khan@mail.ru

Статья посвящена одной из основных версий нартовского эпоса – осетинскому эпосу, роли амплификации в формировании эпических сказаний. Большую роль в формировании фольклорных сюжетов, в частности сюжетов осетинского эпоса, играет амплификация, расширяющая повествовательные рамки текста. В статье рассматриваются элементы за счет которых происходит распространение сюжетов сказаний. Это элементы вполне органичные в контексте традиции нартовского эпоса, а также мотивы не характерные для поэтики осетинского героического эпоса. Это международные мотивы, являющиеся атрибутами сказочного эпоса. Амплификация в осетинском эпосе происходит как за счет иножанровых включений, присоединяемых к эпическим элементам, так и за счет традиционных эпических мотивов, блоков мотивов, устойчивых сюжетных комплексов, часто используемых в сюжетообразовании сказаний осетинского нартовского эпоса.

Ключевые слова: амплификация, сюжетные комплексы, блоки мотивов, сюжетосложение.

AMPLIFICATION AS A FACTOR OF PLOT FORMATION

Khanaeva Z.K.

The North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, (362025, The Republic of North Ossetia - Alania, Vladikavkaz, Vatutina street, 46), e-mail: zk.khan@mail.ru

Article is devoted to one of the main versions of the nartovsky epos – to the Ossetian epos, an amplification role in formation of epic legends. The big role in formation of folklore plots, in particular plots of the Ossetian epos, is played by the amplification expanding a narrative framework of the text. In article elements at the expense of which there is a distribution of plots of legends are considered. These are elements quite organic in the context of tradition of the nartovsky epos, and also motives not characteristic for poetics of the Ossetian heroic epos. These are the international motives which are attributes of the fantastic epos. Amplification in the Ossetian epos comes as due to inclusions from other folklore genres attached to epic elements and due to traditional epic motives, blocks of motives, steady subject complexes which are often used in a plot formation of legends of the Ossetian nartovsky epos.

Keywords: amplification, plot complexes, blocks of motives, plot-forming.

Большую роль в формировании фольклорных сюжетов, в частности сюжетов осетинского эпоса, играет амплификация, расширяющая повествовательные рамки текста. Прекрасный пример амплификации сюжета в осетинском эпосе – сказание о безымянном сыне Урызмага. Это сказание представляет собой сложное полисюжетное образование, строящееся по известному повествовательному приему обрамления. Одно повествование, в данном случае сказание о голодном годе, служит фоном, на котором развиваются события амплифицирующего сюжета.

Известный сюжет осетинского нартовского эпоса о голодном годе и о пире нартов, имеющий самостоятельное бытование, в сказании о безымянном сыне Урызмага выступает как вводный эпизод. Повествование о пире нартов прерывается, получая новый сюжетный ход, а затем снова возвращается к тому месту, на котором прервалось повествование. Происходит расширение повествовательного ряда за счет интерполированного сюжета.

В сказании три сюжета: о голодном годе и пире, устраиваемом Сатаной; о том, как орел уносит Урызмага и он, попав к Донбеттырам, убивает своего сына; о том, как мальчик

отпрашивается у Барастыра и они вместе с Урызмагом идут в набег за скотом. Два последних сюжета амплифицируют одноэпизодное сказание о голодном годе нартов. Эпизод о похищении Урызмага орлом оригинален в осетинском эпосе и мотивы, входящие в него, встречаются только в данном сказании. Последний же эпизод сказания широко распространен в нартовском эпосе. Он состоит из устойчивых сюжетных комплексов, входящих во многие сказания. Этот эпизод представлен готовыми блоками и в ряде сказаний составляет их основное содержание. Комплексы мотивов о выходе из Страны мертвых, приглашении в поход и угоне скота создают в эпосе определенный тип сюжета, соотносимый с молодыми героями эпоса.

Сказание о голодном годе нартов может амплифицироваться и за счет сказочных элементов. Так происходит в сказании «Схуалия малик» [4, с 48-49]. Тема голодного года развивается здесь в необычном для нартовского эпоса русле.

Выдался голодный год у нартов и жребий гнать стада в земли Схуалия малика выпадает Урызмагу. Вместо постаревшего Урызмага стада гонит Сатана, переодевшись в мужское платье. Далее сказание развивается в сказочной стилистике – появляется мотив «внешней души».

В этом сказании объединились темы, характерные для разных героев эпоса. Соотносясь с Сатаной, тема голодного года развивается вполне определенно: Сатана открывает свои кладовые и устраивает пир, спасая нартов от голодной смерти. Пасти же скот в теплых землях обычно выпадает Сослану. Так традиционно распределяются роли. В этом же сказании происходит перемещение действия от одного героя к другому и еще к тому же амплификация за счет сказочного мотива. Перемещение встречается довольно часто в нартовских сказаниях народов Кавказа вообще и в осетинских, в частности. О явлении перемещения или текучести говорит У.Б. Далгат(1), приводя примеры из осетинского эпоса. Так, рождение из камня, присущее Сослану, может приписываться Сырдону; стальные усы, которыми герой убивает гадов в чаше с отравленным напитком, отнесены и к Батразу, и к Хамыцу одновременно. «Текучесть «общих мест», их национальное варьирование, перемещение «определителей героизма» от одного героя к другому, из одного варианта в другой – не только свидетельство национального многообразия и специфики нартского эпоса. Это явление и закономерное, связанное с особенностями устного народного словесного эпического искусства, где канонический текст почти исключается, где возможны различные перемещения, всегда обусловленные, однако, границами эпической традиции» [2, с. 221-222].

Как амплифицирующие могут выступать и сюжетные комплексы «игры Сослана». С играми Сослана связаны две разновидности сюжетов, в зависимости от того, магические это игры или богатырские игры-состязания. И магические, и богатырские игры являются темами

отдельных сказаний, но в ряде случаев они могут соединяться в одном повествовании. Так, в сказании о шубе Сослана [4, с. 108-111] богатырские игры-состязания соединены с магическими играми. Это происходит за счет удвоения сюжетного хода. Сослан дважды отправляется за кожей с головы великана. Удвоение сюжетного хода происходит и в сказании о Сослане и великане Мукаре. В некоторых вариантах [например, 5, п. 21, д. 45-1, л. 37-41] у Мукары есть брат и дублирование сюжета связано именно с этим обстоятельством. Таким образом, амплификация сказания идет и за счет дублирования сюжетного хода, и введения комплекса мотивов, связанных с магическими играми.

Магические игры Сослана выступают как амплифицирующие в сказании о Тотразе [4, с. 389-392]. Перед решающим поединком с Тотразом Сослан играет с ним в альчики, которые превращаются в животных и птиц, и проигрывает. Сказание о поединке Сослана с Тотразом, имеющее довольно устойчивую структуру, может расширяться и за счет других сюжетных блоков, популярных в сюжетообразовании нартовского эпоса. Речь опять идет о комплексе мотивов: «выход героя из Страны мертвых», «приглашение в набег», «угон скота». Правда, здесь амплифицирующий эпизод дан в виде резюмирующего рассказа [4, с. 389-393]. Происходит «упрощение, усечение традиционного повествовательного контекста, в котором «план содержания» преобладает над «планом выражения» [3, с. 49]. Иначе, происходит редукция. Редукция, как явление закономерное в вербальном процессе не обязательно связана с разложением цикла, а зависит от национального варианта или особенности манеры исполнения самого сказителя.

Сказание о бое Сослана с Тотразом может распространяться и за счет мотива кровной мести. Сослан является на могилу Тотраза и разбрасывает все, что было приготовлено матерью Тотраза для годовых поминок. Тотраз отпрашивается у Барастыра, чтобы отомстить. В итоге он убивает Сослана, и отсекает его правую руку [4, с. 396-403].

Расширение содержательной линии сказания происходит за счет включения устойчивых сюжетных комплексов таких, как магические игры, продуктивного в цикле Сослана, выхода героя из Страны мертвых и мести, как мы уже отмечали, соотносящихся с молодыми героями эпоса.

Амплификации может подвергаться и сказание о спасении Урызмага Батразом. Распространение этого сказания происходит за счет сюжета о шубе из бород и усов, хорошо известного в осетинском эпосе и являющегося традиционным в цикле Сослана. В данном случае Батраз, содрав усы и бороды у нартов, которые хотели опить Урызмага, приносит их Сатане и просит сшить шубу для Урызмага. Для шубы недостает воротника и Батраз приносит на воротник усы Арфана [5, п. 1, д. 2, л. 30-31]. Сюжет, устойчиво соотносящийся с Сосланом, здесь переходит в сказание о спасении Урызмага Батразом. Правда, опять же этот сюжет передается в усеченном виде. Так, отсутствуют характерные для этого сюжета в цикле

Сослана богатырские игры-соревнования, в результате которых Сослан добывает усы для воротника. В данном случае просто констатируется факт. Здесь также наблюдается явление перемещаемости действия от одного персонажа к другому, о чем говорилось выше.

В цикле Батраза амплификации может подвергнуться и сказание о взятии крепости Хыз. Как известно, сюжет о взятии крепости существует и в цикле Сослана, и в цикле Батраза, но в каждом из циклов он развивается соответственно характеру центрального персонажа. Амплификация сказания о взятии крепости Хыз может происходить за счет сведения двух версий взятия крепости из цикла Сослана и из цикла Батраза. Когда нарты не и силах взять крепость, когда уже погиб маленький помощник Сослана, тогда на помощь нартам приходит Батраз и сокрушает крепость обычным для себя способом, пробивая стены своим стальным телом [4, с. 253— 256].

Амплификация наблюдается и в сказании о том, как Сырдон спас именитых нартов. Сырдон спасает попавших в беду нартов, поспорив великанов. Обычно он спрашивает, что главнее в кузнечном деле, и великаны-кузнецы в споре убивают друг друга, но это сказание может амплифицироваться за счет введения рассказа на сюжет «что больше», широко распространенного в кавказском фольклоре.

Как видим, эпизоды, за счет которых происходит распространение сюжетов сказаний, вполне органичны в контексте нартовской эпической традиции. Но амплификация может осуществляться и с использованием мотивов, не характерных для поэтики нартовского эпоса. Так происходит в сказании о симде нартов [4, с. 262-268], когда Батраз отправляется выполнять трудные поручения Акула-красавицы. Сюжет развивается в традициях сказочного повествования – появляются международные сказочные мотивы, являющиеся атрибутами сказочного эпоса: и молочное озеро, омолаживающее стариков, и сдвигающиеся скалы; появляются чудесные предметы.

Амплификация за счет сказочных мотивов может происходить и в сказании о Гумском человеке [5, п. 43, д. 152, л. 139-149]. Здесь появляется мотив чудесного бегства. Убегая от преследования, герои бросают чудесные предметы, которые создают препятствия на пути преследователей. В сказании о Гумском человеке встречаются и другие сказочные элементы: чудесный заяц, который оживает и соскакивает с вертела, чудесный золотой олень. Правда эти сказочные элементы встречаются и в других сказаниях нартовского эпоса и выглядят в нем вполне органично. Мотивы же, о которых речь шла выше (молочное озеро, сдвигающиеся скалы, чудесное бегство, мотив «внешней души»), в нартовском эпосе не традиционны. Сказочные мотивы, проникающие в нартовский эпос, не в равной мере эпичны, но мы можем говорить о том, что все они соотнесены с героикой образа – из сказки в эпос проникают, в основном, мотивы, подчеркивающие героическую сущность образа эпического героя.

Мы можем отметить, что амплификация в осетинском нарттовском эпосе происходит как за счет иножанровых включений, в частности, сказочных элементов, присоединяемых к эпическим элементам, так и за счет традиционных эпических мотивов и их блоков, причем используются устойчивые сюжетные комплексы, продуктивные в сюжетообразовании сказаний осетинского нарттовского эпоса. Распространение сказаний за счет традиционных эпических мотивов эпоса довольно часто, оно превалирует над амплификацией сказочного характера. Амплификации могут быть как единичными, так и довольно устойчивыми, как в сказании о безымянном сыне Урызмага.

Таким образом, амплификация в осетинском эпосе происходит путем введения новых мотивов и сюжетных комплексов, соотносимых с эпической традицией осетинского эпоса, путем присоединения неэпических элементов к эпическим и путем дублирования сюжетных ходов.

Список литературы

1. Далгат У.Б. Кавказские богатырские сказания древних циклов и эпос о нартах // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М.: Наука, 1969.
2. Далгат У.Б. Типовые черты нартского эпоса // Типология народного эпоса. – М.: Наука, 1975.
3. Далгат У.Б. Вопросы научного анализа и критической оценки эпических текстов в эдиционной работе // Фольклор: Издание эпоса. – М.: Наука, 1977.
4. Нарты. Осетинский героический эпос: В 3 кн. – М.: Наука, 1989-1991.
5. Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А.

Рецензенты:

Дзодзикова З.Б., д.фил.н., профессор кафедры осетинского языка и литературы факультета осетинской филологии Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ.

Цопанова Р.Г., д.фил.н., профессор кафедры осетинского языка и литературы факультета осетинской филологии Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ.